

I.

Философскія произведения Д. В. Веневитинова.

...Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты... ...

(Д. В. Веневитиновъ, соч., стр. 117).

Предлагаемая статья есть краткое извлечение изъ специальной монографіи о Д. В. Веневитиновѣ, рассматривающей его жизнь, поэзію, его философскіе и литературно-историческіе труды. Статьи изложены почти вездѣ собственными словами автора. Ссылки сдѣланы на лучшее и полнѣйшее до сихъ поръ изданіе полнаго собранія сочиненій Д. В. Веневитинова, сдѣланного Пятковскимъ (нынѣшнимъ редакторомъ журнала „Наблюдатель“ въ 1862 въ Петербургѣ, стр. 263, гдѣ стр. 1—60 занимаетъ вступительная статья издателя „О жизни и сочиненіяхъ“ поэта (весьма важный материалъ, собранный изъ неизданныхъ источниковъ), стр. 63—118 оригинальныя стихотворенія, стр. 121—148 переводы въ стихахъ,—оригинальная проза стр. 151—226 и прозаические переводы—стр. 229—260.

Развитіе философіи въ Россіи, какъ извѣстно, текло по двумъ русламъ. Съ одной стороны, существовала *школьная философія*, которая преподавалась въ университетахъ, гимназіяхъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Философскія направлениія, находившія себѣ мѣсто въ этомъ руслѣ, были схоластика, вольфіанство и различные оттѣнки универсалисма. Эта философія школьная почти не выходила за предѣлы лекцій и экзаменовъ, не переступала училищного порога; она была, такъ сказать, искусственнымъ насажденіемъ и служила лишь практическимъ цѣлямъ обученія и воспитанія. Представители этого теченія философіи въ Россіи зачастую не были даже специалистами представляемой ими науки; они были *членовниками*, которые нерѣдко преподавали совсѣмъ другіе предметы и наряду съ ними—философію, когда имъ начальство поручало философскую каѳедру. Эта школьная философія была безжизнѣнна и оставалась почти безъ всякаго отклика и вліянія на общество.

Съ другой стороны были философскія направлениія, которыя отъ времени до времени увлекали собою, какъ бурнымъ потокомъ, почти всю русскую интеллигенцію.—Такую роль философіи всѣхъ образованныхъ играли въ XVIII вѣкѣ въ Россіи материализмъ („вольтеріанство“), а также мистика и франмасонство; во вторую половину XIX вѣка то же самое значили материализмъ, соціализмъ, позитивизмъ, спиритисмъ. Хотя представители подобныхъ направлениій и появлялись иногда на каѳедрахъ, но въ общемъ перечисленныя міровоззрѣнія принадлежали къ тѣмъ, которые изгоняли изъ школы. Главнымъ орудіемъ пропаганды этой нешкольной философіи служила не каѳедра, а печатное слово и аффіліація личныхъ знакомыхъ въ кружки.

Въ исторіи русской культуры эти кружки играютъ важную роль. По своему характеру они были весьма разнообразны. Сначала членовъ кружка единили, по преимуществу, интересы философскіе и литературные. Въ послѣдствіи стали образо-

вываться кружки съ иными цѣлями и задачами: не ограничиваясь уже совмѣстнымъ изученіемъ философіи, или иныхъ какихъ-либо наукъ (какъ, напр., общественныхъ), стали задаваться планами нравственного перевоспитанія себя, друзей, наконецъ, всего общества—на свой образецъ, даже не отступая для достиженія своихъ предначертаній передъ насилиемъ и общественно-политическимъ переворотомъ.

Однимъ изъ первыхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ мирнаго цѣли занятій литературою и философіею, былъ московской кружокъ послѣдователей философіи Шеллинга.

Шеллингу въ Россіи посчастливилось: онъ нашелъ себѣ почитателей гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо другой немецкій философъ до него. Его ученіе проповѣдалось, распространялось, какъ въ журналахъ, такъ и устной пропагандою, даже проникло отчасти въ школу. Шеллинга излагалъ въ Петербургской медико-хирургической академіи *Д. М. Велланскій*, а въ Петербургскомъ университѣтѣ и Педагогическомъ институтѣ злосчастный *А. И. Галичъ*. Въ Московскомъ университѣтѣ ту же философію преподавали *И. И. Давыдовъ*, *Н. И. Надеждинъ* и *М. Г. Павловъ*.

Кружокъ молодыхъ людей, сплотившихся во имя Шеллинга, состоялъ изъ даровитыхъ и высокообразованныхъ людей. Изъ него вышли замѣчательные дѣятели, если не специально науки философіи, то—литературы, критики, исторіи. Достаточно указать на имена *М. П. Погодина*, Ивана Вас. *Кирьевскаго*, князя Владимира Фед. *Одоевскаго*. Къ нему же принадлежалъ и юноша-поэтъ *Д. В. Веневитиновъ*, къ которому судьба была менѣе благосклонна, чѣмъ къ его только что поименованнѣмъ товарищамъ по кружку и убѣжденіямъ: ему не дано было развить свои таланты во всей ихъ красѣ и силѣ. А способности его были выдающіяся и очень разнообразныя. Онъ выступалъ и какъ поэтъ, и какъ литературный критикъ, и какъ мыслитель-философъ. Общимъ обозрѣніемъ его философскихъ трудовъ мы и намѣрены теперь заняться.

Въ высшей степени было бы интересно прослѣдить, какіе именно философскіе вопросы трактовались въ этой первой на Руси по времени философской компаніи, а также опредѣлить тѣ способы и методы, какіе прилагались къ разрѣшенію интересовавшихъ юношой вопросовъ.

Удовлетворить нашему желанію, отчасти, могутъ сохра-
нившіяся статейки нашего поэта - философа, читанныя и
заслушанныя на общихъ товарищескихъ собраніяхъ. Эти статьи
были предлагаены авторомъ на общее обсужденіе. Таковы:
„Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“
и „Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ (см. стр. 15 и 151).

„Скульптура, живопись и музыка“¹⁾.

Эта статья написана необыкновенно цвѣтистымъ языкомъ и въ формѣ аллегоріи. Три божественные дѣви—сестры, царствующія во вселенной, промѣняли небо, колыбель свою, на долину желаній и усилій. Но не имъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы; онъ будетъ вѣчно на главѣ ихъ матери. Онѣ же украсили все видимое. Первая сестра была послана матерью оживить вселенную въ очахъ человѣка; она указала ему на солнце, небо, разсѣяла горы и утесы; ея искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, листъ и жемчужину, сокровенную въ глубинѣ раковины.

Вторая сестра внесла разнообразіе на землю безцвѣтную; она разлила по небу чистую лазурь, одѣла долины и лѣса зеленымъ цвѣтомъ и т. д. Третья внесла въ міръ жизнь и нарушила мертвую тишину своимъ вздохомъ; все огласилось криками радости, и всѣ эти звуки слились въ общую гармонію.

Затѣмъ первая сестра внушила смертному похитить огонь, дающій жизнь, и вручила ему рѣзецъ, оживившій мраморъ. Человѣкъ окружилъ себя собственнымъ міромъ и получилъ

¹⁾ Стр. 157—160.

средство сохранять памятники своей славы отъ всеистребляющей косы времени.

Вторая дала человѣку кисть; черезъ нее стало для него возможнымъ вылить свои чувства на холстъ и сдѣлать себѣ мысль о безконечномъ понятною.

Третья сестра вложила въ человѣка таинственную арфу, которой струны дрожатъ при всякомъ впечатлѣніи и, унося человѣка какбы въ иной міръ, дополняютъ то, что чувствуешь въ природѣ.

Въ заключеніе сестры заявляютъ, что весь міръ есть престолъ ихъ матери—поэзіи, недосягаемой для чувствъ смертнаго; вѣчность—ея слава, вселенная—ея изображеніе.

„Утро, полдень, вечеръ и ночь“¹⁾

написаны по тому же рецепту. Въ предыдущей аллегоріи мы съ трудомъ можемъ добраться до основной, глубоко-мистической мысли о сотвореніи міра и промышленіи его согласно эстетическимъ (поэтическимъ) законамъ и о зависимости всѣхъ родовъ искусства отъ основнаго, въ глубинѣ ихъ лежащаго—поэзіи²⁾. Вторая статья имѣеть цѣллю подъ образомъ четырехъ временъ дня показать ходъ и смѣну четырехъ возрастовъ человѣка. Самой аллегоріи или „сну воображенія“ предшествуетъ маленькое философское вступленіе. Мечты о будущемъ и боязнь разрушенія суть де два основныхъ чувства человѣка. Послѣднее чувство такъ противно человѣческой природѣ, что онъ создаетъ себѣ особый міръ—бесмертія, который представляеть собой самый утѣшительный предметъ для поэта и самый назидательный для мыслителя. Здѣсь Д. В. Веневитиновъ опять возвра-

¹⁾ Стр. 160—164.

²⁾ О стремлении универсалистической эстетики, трактуя объ искусствѣ вообще имѣть въ виду одну лишь поэзію, искусство слова, и его законы возводить въ законы всей эстетики, см. въ моемъ сомнѣніи «О понятіи искусства» стр. 138 и 139.

щается къ свой любимой мысли: не изгонять изъ области разсудка фантазии, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни; и не для того ли созданы все чувства человѣка, чтобы на богатомъ древѣ жизни породить мысль, сей божественный плодъ, приготовляемый цветами фантазии?

За растолкованіемъ сдѣланыхъ намъ природою внушеній нужно обращаться къ ней самой съ вѣрнымъ о ней понятіемъ. Тогда все пояснится; всякое явленіе—эмблема, всякая эмблема—самое цѣлое. Этимъ положеніемъ Шеллинга, конечно, уже открыта для поэта дорога къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ „эмблемъ“.

„Утромъ“ человѣкъ, плѣненный красотою вселенной, хочетъ достичнуть недостижимаго, но на бѣду познаѣтъ полную невозможность своего предпріятія и рѣшается создать свой міръ; но онъ открываетъ вездѣ строгій законъ необходимости, неуклонно управляющій міромъ. Днемъ человѣкъ, сознавая и чувствуя въ себѣ силу, хочетъ поработить природу; но и въ бурю страстей человѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Подъ вечеръ страсти гаснутъ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами и получаетъ цветокъ изъ рукъ прелестной подруги—вѣнецъ героя.

Ночью тишина склоняетъ его ко сну—къ возрѣнію на самого себя. Теперь душа его свободна. Человѣкъ познаѣтъ истинную гармонію. Съ какимъ восторгомъ пробудится онъ, когда новый лучъ денницы воззоветъ его къ новой жизни, и онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденій!

Почти въ томъ же духѣ написанъ и отрывокъ изъ неоконченного романа, представляющій психологический анализъ:

„Три эпохи любви“ ¹⁾.

Первая—это эпоха восторговъ. Первая любовь, подобно пламени, чиста и на все равно свѣтить.

¹⁾ Стр. 170—173.

Любовница юноши—одна вселенная. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Вторая—одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни. Душа училась, и взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Таковымъ является обыкновенно „чистая дѣва“. Какою прелестью облекаетъ ее молодое воображеніе! Третья эпоха любви—эпоха думъ. Мы недолго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого пла-тить юноша за восторги второй любви своей. Онъ молчаливъ и задумчивъ. И если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся со-гласно съ его сердцемъ,—съ какою радостью подаетъ онъ руку существу родному! Это—анализъ мастерской и, несомнѣнно, имѣющій автобіографическую подкладку.

Изложенные статейки даютъ намъ нѣкоторыя данные для характеристики Веневитинова, какъ мыслителя. Но несравненно важнѣе для насъ въ этомъ отношеніи его также читанная въ кружкѣ друзей

„Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“,

которая написана по образцу многолюбимаго имъ Платона въ формѣ діалога¹⁾). Замѣтимъ, что Анаксагоръ, выступающій въ діалогѣ, не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ философомъ Анаксагоромъ. Платонъ рѣшаетъ сомнѣнія Анаксагора, также ученика Сократа, за рѣшенiemъ коихъ Анаксагоръ прибѣгаestъ къ нему. Анаксагоръ читалъ описание золотого вѣка и сожалѣетъ о томъ, зачѣмъ человѣку дана способность „мучить себя игрою воображенія“. На это Платонъ даетъ ему разъясненіе психической сущности поэта. „Поэтъ“ не вымышляетъ, онъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи, а въ самой природѣ; онъ наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, его мысль вѣдь себя ничего не

¹⁾ Стр. 151—156

ищеть; следственно, поэтъ уклоняется отъ цѣла всесообщаго (нравственно-политического) усовершенствованія.

„Философія есть высшая поэзія“¹⁾.

Итакъ здѣсь авторъ опять возвращается съ прежнею настойчивостью къ своей любимой мысли о коренномъ единстве дѣятельности разсудка и воображенія. Характеристиченъ навѣянный изученіемъ Шеллинга взглядъ на философію, какъ на нечто поетическое.

Анаксагоръ проситъ Платона пояснить ему выраженіе „золотой вѣкъ“. Платонъ въ своемъ разъясненіи исходить изъ сократова обозначенія человѣка, какъ „малаго міра“ — вѣрного изображенія вселенной,—„эмблемы“ всякаго цѣла го, и следственно, всего человѣчества. На этомъ основаніи опять берутся различные возрасты человѣка. Всякий человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастіе, душа его осуждена къ боренію съ противорѣчіями міра. Душа младенца еще въ совершенномъ согласіи съ природою; по нему недостаетъ еще одного чувства — совершенного самопознанія. Причина всѣхъ дѣйствій юноши и человѣка возмужалаго — въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаѣтъ самого себя. Старецъ видить, что путь трудовъ привелъ его къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! онъ снова возвращается къ своему началу. Отсюда, если приложить то же правило къ ходу человѣчества, необходимо слѣдуетъ, что золотой вѣкъ и былъ, и будетъ еще.

Человѣкъ первобытный въ золотомъ вѣкѣ былъ „царемъ природы“, т. е. покорилъ ее. Чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ, — оттуда *расколъ между мыслію и чувствомъ*. Примѣръ: художникъ пораженъ идею: хотя въ душѣ его тишина, но эта тишина

¹⁾ Ср. «Bruno» Schelling'a, изд. II, стр. 23:

Nachdem wir die höchste Einheit der Schönheit und der Wahrheit bewiesen haben, so scheint mir auch die der Philosophie mit der Poësie bewiesen.

предвѣтнисца бури. А когда онъ побѣдилъ всѣ трудности выполненія и выразилъ свою идею, тогда онъ позналъ свою силу и наслаждается истиннымъ спокойствіемъ.

Такъ и все человѣчество: познавъ свою силу, оно вто-
рично станетъ царемъ природы, и наступитъ золотой вѣкъ.
Жить есть ничто иное, какъ творить будущее, нашъ идеалъ. Но
будущее есть произведеніе настоящаго, т. е. нашей собствен-
ной мысли.

Изложенный трактатъ отличается стройностью построенія,
строгостью проведенія основной идеи и можетъ дать высо-
кое понятіе о философскихъ способностяхъ Веневитинова.
Такое же пріятное впечатлѣніе производить и философское

„Письмо къ графинѣ НН“,

собственно, къ его пріятельницѣ, княгинѣ А. И. Трубец-
кой, женѣ декабриста, которой поэтъ намѣревался въ рядѣ
нисемъ изложить цѣлую систему философіи ²⁾). Начавши съ
разбора нѣмецкихъ стихотворцевъ, поэтъ обѣщалъ княгинѣ,
сознававшей, что съ нея недостаточно одного ощущенія
чувства прекраснаго, а хочется и дать себѣ отчетъ въ этомъ
чувствѣ, узнать, какъ оно возникаетъ и съ чѣмъ связано въ
общей психической системѣ,— „представить въ краткомъ и про-
стомъ изложеніи, такую науку, которая совершенно удовле-
творить ея любопытству“. Но онъ просить ее не забывать
одного условія: если онъ хоть на одну минуту перестанетъ
быть яснымъ, то пусть она изорветъ его письма и запретитъ
ему писать обѣ этомъ предметѣ: требованіе, въ устахъ шел-
линговца очень странное, ибо они то всего менѣе заботились
именно о ясности и простотѣ и даже находили въ философ-
скомъ „примракѣ“ особенный смакъ. Развитіе идеи въ письмѣ
начинается съ разрѣшенія вопроса: „можетъ ли быть наука,

¹⁾ Стр. 174—181.

²⁾ Стр. 174.

называемая философией, и какъ родилась она?“ Это и составляетъ содержаніе первого и единственного письма. Чтобы признать философию наукой, надобно сначала опредѣлить, что такое—наука. На примѣрахъ ариѳметики и исторіи авторъ показываетъ, что основными условиями всякой науки служать два слѣдующія: 1) стремленіе привести частные случаи въ теорію; 2) каждая наука имѣетъ отдельный, ся только собственный предметъ; другими словами, эти два условия суть форма и содержаніе. Форма, т. е. приведеніе частныхъ случаевъ въ общую систему, присуща всемъ наукамъ, и они различаются между собою только по содержанію. „Форма“ выражаетъ общий законъ, которому наука необходимо слѣдуетъ. Остается только подвести и философию подъ это опредѣленіе науки; но для того надо предварительно разсмотрѣть, какъ родилась философія, такъ какъ мы еще не знаемъ, что такое философія. Подобно развитію понятій каждого отдельного человѣка, постепенно развивались и науки, исходя отъ наблюденія частныхъ случаевъ, и подчиняя ихъ общимъ законамъ. Чемъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно, совершенѣйшая изъ наукъ будетъ та, которая приведетъ всѣ случаи, или всѣ частныя познанія человѣка, т. е. всѣ науки, къ одному началу; это и есть философія или наука наукъ, существующая имѣть своимъ предметомъ нечто общее всемъ наукамъ, т. е. общую ихъ форму. Итакъ, философія есть наука, такъ какъ имѣеть и форму, и содержаніе: своимъ содержаніемъ она имѣеть познаніе, какъ познавательную способность духа, а формою—присущее всякой наукѣ стремленіе къ общей теоріи. Въ слѣдующихъ письмахъ авторъ обѣщается показать, какъ всѣ науки (и естетика) сводятся на философию, и изъ нея обратно выводятся, обѣщается показать, какъ философія, несмотря на то, что обыкновенно была достояніемъ немногихъ, имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлые народы, какъ, напр., у грековъ.

Читая это письмо, приходится, по-неволѣ, удивляться краткости, отчетливости и простотѣ изложенія, ясности основ-

ной мысли, достоинству воззрѣній на предметъ. Авторъ стоять на такой точкѣ зрѣнія, которую защищаютъ и донынѣ

Всякому убѣжденному человѣку, весьма естественно, хочется имѣть возможность высказать свои завѣтныи идеи, хочется создать органъ для выраженія таковыхъ. И дѣйствительно: кружокъ шеллинговцевъ создалъ себѣ печатный органъ, точно такъ же, какъ позднѣе кружокъ гегелевцевъ овладѣлъ „Отечественными Записками“, какъ впослѣдствіи и „Современникъ“, и „Русское Слово“, и „Дѣло“, и „Отечественные Записки“, и „Слово“ уже ближайшаго къ намъ периода служили, каждое изданіе, органомъ извѣстной партіи, кружка изъ единомышленниковъ извѣстнаго направлениа. Этимъ, какъ намъ кажется, журнальное дѣло у насъ по своей исторіи глубоко разнится отъ журнального дѣла на Западѣ, где оно имѣетъ, по преимуществу, коммерческій характеръ, и где рѣдки изданія, являющіяся органомъ выраженія извѣстной системы принциповъ (каковымъ были Gallische Jahrbücher въ рукахъ лѣвогегелевцевъ). Лишь въ позднѣйшее время и у насъ начинаютъ нарождаться безразличныя, аферистическая изданія. Принципіальный, пропагандаторскій характеръ нашихъ журналовъ, конечно, стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ дидактическимъ характеромъ нашей русской литературы, стремившейся всегда быть впереди общества и стать для него проповѣдницею и указательницей „путей лучшихъ“. Можно сказать больше: такъ какъ почти всякий журналъ у насъ являлся до сихъ поръ носителемъ извѣстныхъ принциповъ и убѣжденій, и борьба между ними носила гораздо менѣе, и даже почти вовсе не носила характера экономической конкуренціи, а была, въ сущности, выражениемъ происходившей въ обществѣ борьбы различныхъ умственныхъ теченій, то и исторія русской литературы новѣйшаго периода заключается, преимущественно, въ исторіи журналовъ и ихъ взаимныхъ отношеній; ибо вокругъ редакціи каждого журнала и группировались писатели извѣстнаго лагеря, даже представители изящной литературы, какъ беллетристы и поэты.

И среди кружка юныхъ шеллинговцевъ возникла мысль о созданиі своего печатнаго органа, который являлся бы проводникомъ ихъ идей. Предвестницей такого органа была выходившая въ 1824—25 г. подъ редакціей кн. Вл. Фед. Одоевскаго, у котораго сначала и собирались молодые люди во имя „Любомудрія“, — „Мнемозина“ въ четырехъ книжкахъ¹⁾). Неизвѣстно, кому принадлежитъ первая концепція, но Веневитиновъ составилъ и прочиталъ на вечерахъ программу бѣдущаго журнала подъ заглавиемъ:

„Нѣсколько мыслей въ планъ журнала²⁾.

Психодною мыслію служить то положеніе, что страсть къ познанію и необходимое желаніе дѣйствовать влекутъ человѣка къ „самопознанію“. Науки и искусства суть развитіе этой начальной идеи. Исторія убѣждаетъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества, а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы. Съ этой точки зренія каждый народъ является отдельнымъ лицомъ, который всѣ свои нравственныя усиленія, носящія особый, племенной характеръ, направляетъ къ самопознанію. Просвѣщеніе есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала отечественнаго; ихъ произведенія, даже входящія въ составъ всемирныхъ приобрѣтеній ума, не теряли отличительного характера. Примѣня вся эти условія къ Россіи, мы получимъ, что россійское просвѣщеніе есть заимствованное: оттуда это чувство подражательности и раболѣпство, оттуда совершенное отсутствіе свободы и истинной дѣятельности. Что же служитъ причиной такого печального явленія? — Та быстрота, съ которой Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла

¹⁾ Т. I. соч. Кирѣевскаго, стр. 8.

²⁾ Стр. 164—169.

мнимое зданіе литературы. Если бы развитіе русской мысли шло естественнымъ путемъ, то характеръ народа развился бы собственной своею силою и принялъ бы направлениe самобытное; мы получили форму литературы прежде ея сущности. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго эптузіасма и истинной страсти къ науки. Современные журналы служатъ писцею нашему невѣжеству.

Затѣмъ Веневитиновъ высказываетъ не сколько очень замѣчательныхъ и чрезвычайно глубокихъ мыслей о ходѣ развитія и общемъ характерѣ исторіи русской литературы. Идеев-доклассицисмъ палъ; его слѣды остались лишь въ немногихъ твореніяхъ, которые съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Но мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системой; правила певѣрныя замѣнились у насъ отсутствиемъ всякихъ правилъ. Причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли.

Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. *Многочисленность стихотворцевъ во всякому народѣ есть вѣрныйший признакъ его ленкомыслия.* У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ и дѣлается орудіемъ безсилія; у насъ чувство освобождаетъ отъ обязанности мыслить и отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія. Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели, когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. При такомъ положеніи дѣла представляется одно лишь средство къ возвращенію русской словесности на путь правильнаго развитія—совершенно остановить нынѣшній ходъ ея развитія и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить. Для сей цѣли надлежало бы *устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, и отираясь на твердые начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, въ которой бы она видѣла свое предназначение.* Такой цѣли.

удовлетворило бы сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы—т. е. *журналъ*, раздѣленный на двѣ части: теоретическую—изслѣдованія ума и свойствъ его (философскій отдѣлъ), и практическій—примѣненіе общихъ пачатъ къ исторіи наукъ и искусствъ, причемъ надо по обратить особенное вниманіе на произведенія древняго міра,—ибо духъ древняго искусства представляетъ обильную жатву мыслей, безъ которыхъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны¹⁾. Въ философіи и въ философской критикѣ изящныхъ произведеній найдетъ Россія залогъ своей самобытности и нравственной свободы въ литературѣ.

Такова, въ общихъ чертахъ, программа, намѣченная поэтомъ для предполагаемаго журнала. Вся она проникнута одною строго и блестяще проведеною мыслію: будущій журналъ, въ противность другимъ существующимъ, долженъ имѣть исключительно общественно-воспитательное значеніе. При ознакомленіи съ этой программою положительно приходишь въ удивленіе передъ зрѣльстью сужденій юноши лишь двадцатилѣтняго юноши, предъ глубокимъ значеніемъ и пониманіемъ, какъ общей исторіи мысли, такъ и положенія литературы и хода умственного развитія въ Россіи; мы поражаемся этою невѣроятною въ юношѣ основательностью мысли, но мы обязаны отдать и дань признанія благороднымъ патріотическимъ стремленіямъ поэта. Двадцатилѣтній юноша правильно решаетъ вопросъ, надъ которымъ бились и мучились послѣ него несколько поколѣній и лучшія русскія головы; по его смерти уже появятся „люди безсонные“: Чаадаевы, Хомяковы, Герцены, Бѣлинскіе, которые, всякъ по своему, будутъ стараться разрѣшить непосильную задачу объ отношеніяхъ Россіи и русскихъ къ Западу. Эти люди потратятъ на рѣшеніе вопроса всю свою энергию и силы. Счастливо

¹⁾ Это даетъ Скалическому («Сорокъ лѣтъ русской критики») поводъ считать В-а предвестникомъ классицизма на Руси. (Соч. т. I, стр. 351).

избѣгая всѣ одностороннія заблужденія, въ какія впадали его преемники, Веневитиновъ находитъ единственную вѣрную разгадку—учиться у Запада, чтобы догнать его.

Журналъ и на самомъ дѣлѣ народился: это былъ „Московскій Вѣстникъ“, начавшій выходить въ 1827 году. Журналъ, дѣйствительно, раздѣлялся на двѣ части. Официальнымъ редакторомъ былъ извѣстный впослѣдствіи историкъ М. П. Погодинъ, который, впрочемъ, самъ заявилъ, что „журналъ издается не однимъ имъ, а многими, занимающимися русскою литературою, кои рѣшились соединить свои усилія и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія“¹⁾. Принималъ въ журналъ участіе весь кружокъ, между прочимъ и И. Кирѣевскій. Самъ Веневитиновъ, хотя и называетъ себя въ маленькой замѣткѣ о второй пѣсни Онѣгина²⁾ однимъ изъ издателей („мы, издатели“), но прямого участія почти не принималъ. Переѣхавши къ тому времени въ Петербургъ; онъ, однако, горячо слѣдитъ за журналомъ и даетъ редакціи постоянные совѣты. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ пригласить Мицкевича,³⁾ и, несмотря на свою полемику съ Полевымъ, рекомендовалъ быть осторожнѣе съ его журналомъ „Телеграфъ“, вполнѣ и по достоинству оцѣняя значеніе „Телеграфа“ въ исторіи русской словесности, и тѣмъ опять-таки высказывая глубокое пониманіе ея судебъ.

Но журналъ шеллинговцевъ не пошелъ, несмотря на коллегіальное устройство редакціи, несмотря на участіе столькихъ замѣчательныхъ по своимъ талантамъ и образованію людей, несмотря на участіе самого Пушкина. Причины этого неуспѣха самыя разнообразныя: редакція состояла изъ молодыхъ, неопытныхъ въ журнальномъ дѣлѣ людей, самъ главный редакторъ Погодинъ вовсе не былъ созданъ быть журнали-

¹⁾ Стр. 46.

²⁾ Стр. 225.

³⁾ Стр. 46.

стомъ, какъ Н. Полевой, и т. д. „Московскій Вѣстникъ“ не выдержалъ конкуренціи и зачахъ. Главною же причиной неуспѣха является, конечно, черезчуръ серьезное, философское направлѣніе журнала, пришедшаго не по плечу современному обществу; для серьезнаго чтенія тогдашняя Россія, въ общемъ, не созрѣла: философія сосредоточивалась въ небольшихъ, тѣсныхъ кружкахъ особенно даровитыхъ людей.

Литературная дѣятельность Д. В. Веневитинова, подобно дѣятельности многихъ русскихъ писателей, оборвалась въ силу случайныхъ и непредвидимыхъ причинъ (рановременной смерти), не дойдя и до начала расцвѣта.

Хотя и нельзя согласиться вполнѣ съ характеристикою Пятковскаго, будто Веневитиновъ былъ главнымъ двигателемъ первого философскаго кружка въ Россіи и основателемъ журнала, честно служившаго философской пропагандѣ¹⁾), ибо онъ является не главнымъ двигателемъ кружка, а однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ его, и не основателемъ журнала, а только лицомъ, выработавшимъ программу,—то все-таки для двадцатилѣтняго юноши останется еще очень много. Дѣйствительно, странное явленіе представляетъ собой этотъ юноша, почти мальчикъ—по годамъ, и философъ—по уму и умственному развитію. „Письмо къ графинѣ NN“ заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ Ив. Кирѣевскаго, что Веневитиновъ былъ для философіи еще болѣе рожденъ, чѣмъ для поэзіи. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что это письмо является одною изъ лучшихъ философскихъ статей на русскомъ языкѣ даже до настоящаго времени.

„Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ тоже сдѣлала бы честь любому зрельному мыслителю. Въ послѣдней статьѣ есть одно любопытное мѣсто, котораго мы сейчасъ и коснемся.

¹⁾ Стр. 59.

„Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь“, убѣждаетъ Платонъ, „она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные (золотой вѣкъ). Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ, всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, всѣ отрасли науки сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Насъ давно не станетъ,—но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предупрѣзывалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее“¹⁾). Эти слова вводятъ насъ во „Святая Святыхъ“ поэта. Онъ твердо вѣритъ, что наука и ея развитіе идетъ рука объ руку съ расширеніемъ нравственной свободы и съ приближеніемъ блаженной эпохи всеобщаго счастья, нового золотого вѣка. На глубокогуманное направление его образа мыслей указываетъ и заключеніе его стихотворенія „Къ любителю музыки“²⁾), гдѣ онъ обращается къ нѣкому любителю съ его ложными и наивскими восторгами:

„Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ!
Когда бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,—
....Тогда бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты бъ въ углу уединенному
Тайлъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты бъ въ тайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія обѣятья,
Какъ другъ вселенной, простирая!

Должно замѣтить, что произносить какой бы то ни было окончательный приговоръ надъ философскою дѣятельностью

¹⁾ Стр. 156.

²⁾ Стр. 100—101.

Веневитинова невозможно. Мы присутствуемъ, разбирая его произведенія, лишь при нарожденіи великаго таланта, видимъ лишь начинанія. Намъ кажется, можно только присоединиться къ мнѣнію современниковъ, что Веневитиновъ выказалъ замѣчательныя дарованія.

Чтѣ бы онъ сдѣлалъ съ ними, какъ бы употребилъ ихъ въ будущемъ, неизвѣстно,—хотя можно поручиться, что подобный человѣкъ, какъ Д. В., привыкшій къ постоянному умственному труду, всегда остался бы вѣренъ себѣ и не позволилъ бы заглушить въ себѣ высшее призваніе служебными или иными какими интересами. Съ довольно большимъ основаніемъ можно бы ожидать отъ него громаднаго вліянія на ходъ нашей литературы. Быть можетъ, онъ предвосхитилъ бы значеніе Бѣлинскаго. Но, по слову Некрасова, *русскій гений издавна вѣничаетъ тѣхъ, которые мало живутъ!*

